

РОЛЬ СКАЗИТЕЛЯ В СЮЖЕТОСТРОЕНИИ ШОРСКИХ ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЙ

Л. Н. Арбачакова

THE ROLE OF THE STORYTELLER IN THE PLOT OF SHOR HEROIC LEGENDS

L. N. Arbachakova

В данной статье «Роль сказителя в сюжетостроении шорских героических сказаний» рассматриваются особенности шорской эпической традиции, проявляющейся в активном участии сказителя в событиях эпического мира. Его присутствие обнаруживается в оценках, ремарках в адрес персонажей эпоса. В статье определяется степень такого участия и возможное влияние кайчи на жизнь эпических героев. Как показали наблюдения, эпический язык сказителя не является застывшим, в нём прослеживается индивидуальный исполнительский стиль. Хорошо зная традицию сказывания эпических зачинов и концовок, тем не менее А. П. Напазаков упускает при сказывании их подробное изложение. Для сказителя, отправляющего алып в богатырский путь, важно успеть пройти с ним по назначенной дороге и вернуться назад.

The paper deals with specific features of the Shor epic tradition. The storyteller himself is participating in the events taking place in the epic world: he gives his assessments of the events and makes remarks addressing the epic characters. It is important to determine the extent of such involvement of the storyteller and his possible impact on the life of epic characters. As observations show, the epic narrative of the storyteller is not “fossilized”, it gives evidence on his individual style. But although the storyteller A. P. Napazakov perfectly knows traditional epic beginning and finishing segments, he nevertheless might leave out some details while telling a story. For a storyteller who sends an *alyр* ‘warrior’ on his heroic way, the main thing is not to leave him alone on this way and bring him safely back.

Ключевые слова: Шорские героические сказания, эпическая традиция, речь сказителя, участие сказителя, зачин и концовка

Keywords: Shor heroic epic stories, epic tradition, epic narrative, storyteller’s involvement, beginning and finishing segments.

Напазаков Анатолий Прокопьевич (1937 – 2004) – традиционный исполнитель шорских героических сказаний, который сказывал эпос речитативом. Он называл себя не *кайчи*, а *ныбакчы* (сказочник). Повествование вёл без горлового пения и музыкального инструмента, но активно прибегал к использованию мимики и жестикуляции. Подобный вид исполнения хакасский фольклорист В. Е. Майногашева называет «...чазак (т. е. «пеший»)» [2].

С 1996 по 2002 гг. нам удалось записать от А. П. Напазакова на диктофон пять героических сказаний, усвоенных им от Напазакова Федора Дмитриевича (брата отца) и Токмагашева Павла Петровича (Пабель) – ярких носителей мрасской эпической традиции. Таким образом, все пять эпических произведений («Куба Салгын», «Күмүш түктүг күмүш сар аттыг Күмүш Кылыш Күмүш Кёок печелиг», «Кыдат Каан», «Тазыл аразыңнаң чайалганнар Кара Сабак печелиг Каан Мерген туңмалыг», «Үш очукутыг Сарыг Тайға») являются образцами традиционного эпоса Северной Шории.

В данной статье на примере героического сказания «Куба Салгын» рассмотрим особенность шорской эпической традиции, когда сам исполнитель непосредственно присутствует в эпическом мире, даёт свою оценку событиям и героям эпоса. Для нас важно определить степень такого участия и возможное влияние сказителя на жизнь эпических персонажей.

Для начала рассмотрим композиционный строй этого произведения. А. П. Напазаков сохраняет традиционное начало, давая зачин, но в сильно сокращённом виде – процесс первотворения земли описан двумя

строками: «В то время, когда земля создавалась, / Когда земля-вода схватывались (*По чер нүдерде, / По черсил қабарда*)». Сравнение с зачином сказания в исполнении другого современного сказителя В. Е. Таннагашева показывает, насколько развёрнутым и детально подробным может быть зачин героического повествования: «...Мешалкой земля делилась. / Ковшом вода отделялась. / Зеленея, молодая трава вырастала. / В то время, когда на деревьях, набухая-проклевываясь, / Зеленые листья выросли. / На макушке белой березы с золотой листвой / Сорок птиц щебетали, / Над зелеными травами / Молодые соловьи пели, оказывается» (*Қалақпа чер нөлүжүн, / Қамыспа суғ нөлүшчиган тем полтур. / Көгеріш-кел, көк өлең өсаттыр. / Ағаш паитарыңа тамчылаш-келіп, чарылыш-кел, / Көк нұр өсатқан тем полтур. / Алтын нұрлұғ ақ қазың паитарында / Қырық қушқа қағыш-чөрча. / Көк өлеңнің паитарында / Көк торқуқтар көгеліш-чөрчиган полтур*) – [рукопись сказания «Солнце увидевшая Кюн Кёк» – «Күннү көрген Күн Кёок»]. Далее следует описание владений богатыря, коновязь, конь и дворец алып.

В другом своём сказании «Кан Мерген с сестрой Кара Сабак, рожденные в корнях» – «Тазыл аразыңнаң чайалганнар Кара Сабак печелиг Каан Мерген туңмалыг» А. П. Напазаков дал подобный вариант зачина: «Давно это было: / Прежде нынешнего поколения было, / Позже давнего поколения было. / В то время, когда земля создавалась, / Когда земля-вода схватывались» (*Пурун полча: / Амдыгыдың алында/Пурунгу*

төлдүн соонда. / По чер пүдерде, / По черсил қабарда). Далее следует описание окружающей природы и владений хана: «Когда стал смотреть на белый свет / На большой холм взобравшись, затем вижу» (*Ақ чарыққа анаң көргеним, / Улуғ қырға шыққел, анаң көргеним*).

После завершения аудиозаписи этого сказания, на наш вопрос, знает ли он другие варианты зачинов (или концовок), кайчи признался: «Некоторые в сказаниях начинают по-другому, я ведь иду по прямой, хотя знаю другие варианты зачина!» (*Ныбақты төзелерде тоже төзепчалар, паиқоқ, мен прямой-оқ парчам-но, а төзелерге, төзетчам!*).

В подтверждение своих слов, он привел другой вариант зачина: «Чайзаны на белом свете, / Сотворившись, пришли: / Реку ковшом стали делить, / Землю мешалкой стали делить» (*Чайзаңнар ақ чарыққа / Чай-алкел, келдилер. / Сугду омаиша үлеишчалар. / Черде қалақпа үлеишчалар*). Затем он еще раз повторился, что он знает, как начинать сказывать, однако сам так не сказывает (*А андығ айтпанчам, тўгезе оңапанчам*).

Интересно, что в этом зачине физическое разделение земли и воды производят появившиеся чайзаны. В сказаниях В. Е. Таннагашева эти процессы происходят без прямого участия божеств и чайзанов. Возможно, здесь А. П. Напазаков ошибся, назвав чайзанов вместо чайачы (творцов). Чайзанами в шорском эпосе выступают табунщики и пастухи. Однако надо иметь в виду, что в словах *чайачы/чайзан* имеется общий корень *чай/чайа*, что означает 'создавать, творить, расстилать'. Хакасский исследователь В. Бутанаев слово *чайзаң* трактует как: 'глава рода, феодал, удельный князь; алтын чайзаңнар – золотые чайзаны (так назывались ханские дети, наследники престола)' [3].

Перед очередной записью сказаний А. П. Напазаков некоторое время не мог определиться, какое сказание ему исполнить: «Кыдат Кан», где, как он считал, «много (кõн) айна» (чертей, нечисти, дьяволов) или «Куба Салгын», где «мало (ас) айна». После некоторых сомнений, он остановился на последнем эпосе («Куба Салгын»), и, начав со строк: «Давно это было: / Прежде нынешнего поколения было, / Позже давнего поколения было» (*Пурун полча ба: / Амдыгыдың алында, / Пурунгуңуң төлдүн соонда*), тут же перешёл к описанию окружающей природы и владений алып, продолжив изложение от первого лица: «Белый свет осмотрев, / Затем вижу...» (*Ақ чарықты эбиркелип, / Анаң көргеним...*).

После нескольких минут сказывания, кайчи спохватившись, что упустил сюжет рождения малыша, попросил остановить запись: «Э, останови!» (*Э, ток-та!*).

В результате заминки, перед повторной аудиозаписью я по ошибке громко объявила другое сказание «Кыдат Кан», на что кайчи посомневавшись, ответил: «Че, успеем!» и тут же начал сказывать объявленное мной сказание.

Зачин в этом сказании получился более развернутым, где он упомянув о давнем времени происходившего, от первого лица рассказал об одновременном появлении деревьев и людей: «Затем отправляя, вижу: /

То ли макушки тополей набухая, распускались? / Макушки берёз колыхались. / Когда макушки тополей распускались, / Весь народ здесь ходил. / Когда макушки берёз колыхались, / Народ-люди здесь собирались (*Анаң ызыбодурганы-мо, көргеним: / Терек пажы тербейча ба? / Қазын пажы қалбайча. Терек пажы тербегенде, / Текши кел чорчең полтур. / Қазын пажы қалбағайганда, / Қалық-чоңы текши чылчың полтур*).

Описав первотворение земли, кайчи ещё раз напомнил о себе, как о сказителе, отправляющем алып на богатырские подвиги: «Затем вижу: / Ё, я ведь человек отправляющий!» (*Анаң көргеним: / Ё, ысчыған кижин-но!*) и описал окружающую природу эпического мира, где: ...золотая гора, имеющая девяносто перевалов, стояла, / У подножия золотой горы белое море текло... (*Тоғузон ашқымнығ / Алтын тайга. / Алтын тайга төзүбе. / Ақ талай ақтүйшкен...*).

Необходимо отметить, что в сказании «Тазыл аразыңнаң чайалғаннар Қара Сабак печелиг Қаан Мерген тунмалығ», после краткой двухстрочной концовки: «Говоря, что длинное – не укорачивал, / Говоря, что короткое – не удлинял» (*Узун теп, узарбадым, / Қысқа теп, қысқатпадым*), исполненной кайчи, я поинтересовалась у А. П. Напазакова, знает ли он об эпизоде 'прощания алып со своим конём', которого, как правило, в конце сказания отпускают на волю. Кайчи ответил, что знает об этом, но в этом сказании он не полностью исполнил, хотя надо было сказать: «С коней золотое седло сняв, бросают, / По их спинам погладив, отпускают. / – На горе Сюрго траву щипайте, / Из молочного озера молоко пейте, – говоря, – / По их спинам погладив, отпускают (*Аттың алтын эзер ал таишапкел, / Сыны-сайын сийбабкел, пожатчалар. / – Сүргү тағдың от отталар, / Сүттүг көлдең сүт ижар, – тепкел, – / Сыны-сайын сийбабкел, пожатчалар*)). Помимо этого, сказитель продемонстрировал знание традиционного обращения кайчи к слушателям, которое произносится в завершение повествования: «Меня сидя слушавшим людям, / Пусть полная доля достанется, / Меня лёжа слушавшим людям / Пусть полдони достанется! (*Одуркелип, уққан кижилерге, / Туйғу үлүш ползун, / Чаткел уққан кижилерге / Чардық үлүш ползун!*). По словам кайчи, зная, как традиционно заканчиваются героические сказания, сам он не придерживается такого классического завершения.

В сказании «Тазыл аразыңнаң чайалғаннар Қара Сабак печелиг Қаан Мерген тунмалығ» А. П. Напазаков сам становился участником события: «...Что это такое? – сказав, / Всмотревшись, / Одного выгасил – / Необычная, / Кучерявая девочка была! / Второго выгасил – мальчик! (...По ноо полду? – теп, / Көрүн сыңнап, / Пирде сөртибалғаным – / Адаңмада / Челтик шаштығ қыс полған! / Ийгини сөртибалғаным – олағаш!).

Включение сказителя в эпический мир наблюдалось и у другого кайчи А. В. Рыжкина (1924 – 2003). В сказании «Алтын Кан», знакомясь с алыпом, кайчи называет свое имя и место проживания: «...Что ты за человек? – так он спросил. / – Кто я буду? – сказал, – Я Афоня из Шана Кола... (...Ноо кижизиң поларзың? –

теп сураганда / – Ноо кижизим? – тедим, – Шана Колдың Афона...

Нами установлено, что в сказании «Куба Салгын» в исполнении А. П. Напазакова есть неоднократные подтверждения присутствия кайчи в эпическом мире. Сказитель выступает и как очевидец, и как действующее лицо. Эта особенность прослеживается в эпосе и других саяно-алтайских народов (хакасов, алтайцев). Например, как заметила З. С. Казагачева, алтайский кайчи А. Г. Калкин рассказывал: «...о своём общении с богатырями сказаний, как о реальных событиях...» [4].

По ходу развития сюжета образ кайчи (ныбакчи) исчезает, но затем появляется в описании богатырской поездки богатыря. Сказитель подчёркивает формульной ремаркой длительность этого пути: «Мне рассказывать коротко. Ехать им долго» (*Мен айдарга табырақ полча. / Ыларга парарга чер керим полча*).

Ведя повествование о героях эпоса и переходя от одного персонажа к другому, он конкретизирует, о ком пойдёт речь: «Я отправился вслед за Кара Мёке» (*Мен Қара Мёкке сооба полдум*).

Присутствие сказителя в сюжете прослеживается в разнообразных междометных возгласах: *тьфу, о, ох, эх, ого, ай, не, пай-пай/пай/пай-о, хе/ ха, о-ё/ё*, передающих различные оттенки в сказительской оценке (пренебрежение, восхищение, удивление, огорчение), которые передают и внутреннее отношение кайчи к окружающему миру алып. Кроме этого, ныбакчи активно использует побуждающие к действию шорские и заимствованные русские слова: *че* (да, давай); *ну-ка*.

Другим фактором присутствия кайчи в повествовании, на наш взгляд, является индивидуальное употребление А. П. Напазаковым некоторых слов и выражений в уменьшительно-ласкательных аффиксах *чақ/чек; аш: Қара Мёкчек* (Кара Мёкечек), *қазнычақ* (свекровушка), *қарагажын* (глазки), *малычақ* (скотик), *эдичеги* (тельце). Использование русизмов в шорской огласовке также является одним из признаков участия кайчи в сюжете: *книгады, командаба, судка и др.*; либо без изменений: *срок, пьяница, жалоба, свадьба, минут, лежит, слабый*.

Обильное употребление в устном исполнении героического сказания междометных возгласов, выражающих различное эмоциональное состояние самого исполнителя, усиливает заинтересованность слушателей, их соучастие в судьбе эпических героев. По всей видимости, длинное сказание, исполняемое на протяжении длинной ночи без кая-горлового пения и сопровождения музыкального инструмента-кай-комуса, компенсировалось актерскими способностями и дополнительной эмоционально-насыщенной речью ис-

полнителя, усиливающих душевное сопереживание. Как это было некогда подмечено исследователями, исполнение фольклорных произведений подобно «театру одного актёра».

Следующим признаком косвенного присутствия сказителя А. П. Напазакова в эпическом мире является привнесение в повествование некоторых моментов из бытовой жизни: «...Каждый день меня поедом ела-ела – / Вот и поправилась... (*...Мени кўнўитанып, чии-чии келгенин: / Чара себирибизе пертирзиң...*). Или, например, в диалог жены небесного творца-чайачы и ее мужа включена сцена отчитывания супруги: «...Когда так было, чтобы ты послушал совета жены... (*Тижи кижси сۆзўн қачен уққан эр полганзын...*, «Куба Салгын»). Описание принятия алыпом слабоалкогольного национального напитка также снижено им до бытового уровня: «...Ак Кан залпом выпил. / Старому человеку немного нужно было... (*...Ақ Қаан сыраңай тартыныбыза перди. / Қаары кижсеге көп керек чоқ полган полтур...*) [рукопись сказания «Куба Салгын»].

Из вышеприведённых примеров очевидно, что кайчи не только присутствует в эпическом мире, путешествует следом за богатырём, но и активно высказывает собственное мнение, отпускает шутки в адрес героев сказаний, допускает описания, сниженные до бытовых эпизодов. Тем самым, с одной стороны, он развлекая своих слушателей, невольно влияет на эпический стиль сказывания, изменяет возвышенный гиперболизм.

Кайчи, хорошо зная традицию сказывания эпических зачинов и концовок, тем не менее упускает при сказывании их подробное изложение, так как считает, что нужно идти «по прямой». По всей вероятности, для А. П. Напазакова описание процесса первотворения земли в начале исполнения и прощание с конём, а также обращение к слушателям в конце сказания, не являлись важными и значимыми в исполнении эпоса. Для него, как для сказителя, отправляющего алып в богатырский путь, главное – успеть пройти с ним по назначенной дороге и вернуться назад.

Аудиорасшифровка героического сказания показала, что «эпическая речь» сказителя не является застывшей. А. П. Напазаков, в зависимости от настроения, состояния здоровья или каких-то иных обстоятельств, мешающих исполнению, мог варьировать зачин и концовку, сокращать их объём. Ныбакчи активно использовал не только собственные сказительские словоупотребления, но и переносил в эпическую среду некоторые моменты из своего жизненного опыта, а также давал оценку действиям персонажей эпоса.

Литература

1. Арбачакова Л. Н. Ролевые функции кайчи в шорских героических сказаниях // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. 2003. № 3. С. 92 – 95.
2. Алтын-Арыг: Хакасский героический эпос / Зап., подгот. текста, вступ. ст., пер и коммент. В. Е. Майногашевой. М.: Наука, 1988. 592 с.
3. Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1999. 237 с.
4. Казагачева З. С. Алтайские героические сказания “Очы-Бала”, “Кан-Алтын”. (Аспекты текстологии и перевода). Горно-Алтайск. 2002. 352 с.

Рукописи героических сказаний

1. «Алтын Кан» (*Алтын Қаан*). Зап. в 1996 г. Л. Н. Арбачаковой от А. В. Рыжкина. Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Фонд Л. Н. Арбачаковой).
2. «Кан Мерген с сестрой Кара Сабак, рожденные сердцем корней» (*Тазыл аразыңнаң чайалғаннар Қара Сабак печелиг Қаан Мерген туңмалығ*). Зап. 2001 года Л. Н. Арбачаковой от А. П. Напазакова. Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Фонд Л. Н. Арбачаковой).
3. «Куба Салгын» (*Құба Салгын*). Зап. в 1996 г. Л. Н. Арбачаковой от А. П. Напазакова. Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Фонд Л. Н. Арбачаковой).
4. «Кыдат Кан» (*Қыдат Қаан*). Зап. в 2001 г. Л. Н. Арбачаковой от А. П. Напазакова. Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Фонд Л. Н. Арбачаковой).
5. «Солнце увидевшая Кюн Кёк» (*Күннү көрген Күн Кёк*). Зап. в 2000 г. Л. Н. Арбачаковой от В. Е. Таннагашева. Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Фонд Л. Н. Арбачаковой).

Информация об авторе:

Арбачакова Любовь Никитовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН, anzass@mail.ru, folklor@ngs.ru.

Ljubov N. Arbachakova – Candidate of Philology, Senior Research Associate at the Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 05.03.2015 г.